

НАВЬИ ТРОПЫ

Strange Ghosst

Навьи тропы

<https://litres.ru/74507398>

SelfPub; 2026

Аннотация

Древняя Русь. Глухая деревня Криволесье, затерянная среди лесов и болот. Велеслав возвращается домой после трёх лет княжеской службы — и застаёт родные края во власти страха. Люди пропадают. По ночам в окна стучат мокрые руки. А за рекой, в тумане, поют голоса, которые лучше не слушать.

Его сестра Лада ушла в воду — и не вернулась. Но она жива. Она ждёт. Она стала невестой Нави.

Чтобы спасти её, Велеслав должен пройти путь, откуда не возвращаются: через гнилые топи, мёртвые пустоши и чёрные капища — туда, где грань между миром живых и миром мёртвых тонка, как первый лёд. Где древние боги не прощают. Где Навь забирает своё. Где цена спасения — всё, что ты помнишь. Всё, что любишь. Всё, чем ты жив.

Он закроет Врата. Навсегда. Или станет одним из тех, кто внизу.

Славянский хоррор о памяти, жертве и тени, что всегда идёт следом.

Содержание

Глава 1. Дорога в никуда	4
Глава 2. Хлеб и соль	25
Глава 3. Странник	35
Глава 4. За болотом	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Strange Ghosst

Навьи тропы

Глава 1. Дорога в никуда

Солнце клонилось к закату, когда Велеслав увидел первый череп.

Гнедой жеребец ступал узкой лесной тропой, что вилась между вековых сосен и чёрных елей. Три года минуло с тех пор, как он покинул родные края, — три года княжеской службы в далёком Киеве, где небо выше, а люди шумнее. Три года без северного леса, без его тихого шёпота, без смолистого запаха хвои.

Теперь возвращение.

Тропа тянулась знакомая — каждый поворот, каждый замшелый камень, каждая кривая берёза, склонившаяся над дорогой, словно старуха над колыбелью. Но что-то переменялось. Лес стал тише. Не спокойнее — именно тише, словно затаился, словно ждал.

Велеслав натянул поводья. Конь всхрапнул, прынул ушами, но с места не двинулся.

Впереди, там, где тропа раздваивалась, разделяясь на три пути, стоял столб. Высокий, почерневший от времени, врытый в землю на перекрёстке. Велеслав помнил его — маль-

чишкой боялся проходить мимо, потому что старики говорили: на перекрёстках нечисть собирается, там граница между мирами тонка, как первый лёд.

Раньше на столбе не было черепа.

Теперь был. Человеческий череп, желтоватый, с трещиной через левую глазницу, надетый на верхушку, как шапка. В пустых глазницах гнездились сухие листья. Ветер шевелил их, и казалось, что череп моргает.

Велеслав перекрестился — по привычке, перенятой в Киеве, — и тут же одёрнул руку. Здесь, в Криволесье, крест не помогал. Здесь помогали другие слова. Старые. Те, что учила мать, пока была жива.

— Чур меня, — тихо сказал он. — Чур, чур, чур.

Конь фыркнул. Череп не двинулся.

Велеслав тронул поводья, направляя жеребца по левой тропе — той, что вела к деревне. Но когда всадник поравнялся со столбом, что-то заставило его обернуться.

Череп смотрел на него.

Не в пустоту, не на дорогу — именно на него. Глазницы пусты, но Велеслав чувствовал взгляд. Холодный, изучающий, как у старика, который знает о тебе больше, чем ты сам.

— Что тебе надо? — спросил Велеслав, и голос прозвучал глухо в сгущающихся сумерках.

Ветер стих. Листья в глазницах перестали шевелиться.

А потом череп улыбнулся.

Это было невозможно — у черепа нет губ, нет мышц, нет

ничего, чем можно улыбаться. Но Велеслав видел улыбку так же ясно, как свои руки на поводьях. Кости сложились в подобие ухмылки, трещина расширилась, обнажая тёмную пустоту внутри.

Конь заржал и рванул с места так резко, что всадник едва удержался в седле. Велеслав не стал оглядываться. Не стал смотреть, улыбается ли череп ему вслед. Просто гнал коня вперёд, по тропе, что становилась всё темнее, всё уже, всё больше походила на туннель между деревьями.

Лес сомкнулся за его спиной.

Когда Велеслав выехал к деревне, уже стемнело.

Криволесье лежало в низине, у реки, что огибала его с трёх сторон, словно змея, свернувшаяся вокруг гнезда. Дома — низкие, крытые соломой и дёрном, — жались друг к другу, как испуганные овцы. Кое-где горели окна, но свет был тусклым, дрожащим, словно боялся выходить наружу.

Велеслав спешил к околице. Конь дрожал, покрытый потом, и не хотел идти дальше. Пришлось тянуть его за повод, шептать ласковые слова, которые помнились с детства.

— Тихо, тихо, Воронко. Свои мы. Свои.

Деревня встретила тишиной. Ни собак, ни голосов, ни скрипа колёс. Только где-то далеко, у реки, плескалась вода. Мерно, ритмично, словно кто-то большой и невидимый ходил по дну.

Велеслав шёл по единственной улице, чувствуя, как взгля-

ды из-за ставень впиваются ему в спину. Дома узнавались — вот изба кузнеца Радимира, вот дом ткачихи Милавы, вот колодец, у которого бабы собирались за водой и сплетнями. Всё знакомое. И всё чужое.

У одного дома, у самого края деревни, стояла женщина.

Старая — сгорбленная, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дуба. Седые волосы выбивались из-под платка, руки тёмные и узловатые, как корни. Она стояла неподвижно, глядя на Велеслава, и в глазах её не было ни радости, ни удивления.

— Заряна, — сказал он, узнавая. — Здравствуй.

Женщина не ответила. Смотрела долго, словно взвешивала что-то в уме. Потом медленно кивнула.

— Вернулся, — сказала Заряна. Голос сухой, как шелест мёртвой травы. — А зачем?

— Домой. К сестре. К роду своему.

Она покачала головой. В глазах мелькнуло что-то — то ли жалость, то ли страх.

— Нет здесь больше дома, Велеслав, сын Велеслава. Нет здесь рода. Есть только долг.

— Что ты говоришь, бабушка? — Он нахмурился. — Где Лада? Где староста? Где все?

Заряна отвернулась. Подошла к двери своего дома, толкнула, и та отворилась с протяжным скрипом, словно стоном.

— Заходи, — сказала старуха. — Переночуешь. А утром... утром сам увидишь.

Велеслав колебался. Что-то в этой женщине, в голосе её, в том, как стояла она — неподвижно, словно ждала чего-то, — заставляло внутренности сжиматься от холода.

Но ночь была близка. Лес за спиной дышал сыростью и мраком. А дом — это дом. Даже если пахнет бедой.

Он вошёл.

Внутри было темно. Пахло дымом, сушёными травами и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, как запах старой крови. Заряна зажгла лучину, и по стенам заплесали тени.

Велеслав огляделся. В красном углу — не иконы, а деревянные фигурки. Перун с топором, Мокошь с веретеном, Велес с медвежьей головой. Старые боги. Те, которым молились до того, как пришли люди с крестами.

Печь натоплена. На столе — горшок с кашей, краюха хлеба, кринка молока. Простой ужин, но голод дал о себе знать только теперь.

— Ешь, — сказала Заряна, садясь на лавку у печи. — А я посмотрю.

Велеслав сел за стол. Взял ложку — деревянную, грубо вырезанную, с трещиной на ручке. Зачерпнул кашу.

— Скажи мне, — проговорил он, не поднимая глаз. — Что случилось? Почему деревня молчит?

Заряна молчала долго. Потом вздохнула — тяжело, словно вытаскивая этот вздох откуда-то из глубины.

— Беда пришла, — сказала она. — Три года назад. Как

раз когда ты уехал.

— Какая беда?

— Разная. Сначала скотина пропадать начала. Потом дети. Потом... — Старуха замолчала, глядя в огонь. — Потом Лада.

Ложка замерла в руке Велеслава.

— Что с Ладой?

— Ушла. К воде. Ночью. Никто не видел, как. Только следы остались — до реки, а там... — Заряна пожала плечами. — Вода забрала.

— Искали?

— Искали. Всё дно обшарили. Нет тела. Нет Лады. Только... — Она снова замолчала.

— Только что?

— Венки её нашли. На берегу. Свежий. Хотя она его не плела. И цветы в нём были чёрные. Таких не бывает.

Велеслав отложил ложку. Аппетит пропал.

— А остальные? Люди пропадают?

— Пропадают, — кивнула Заряна. — Каждые семь лет — по одному. Вот и срок подошёл. Старики говорят: Врата открываются. Навь забирает своё.

— Врата?

— Не знаю я, милок. Я баба простая. Только знаю: пока живёшь по правилам — живёшь. Нарушил — пропал. Вот и весь сказ.

Велеслав молчал. В голове роились мысли — тёмные, тя-

жёлые, как вода в глубоком омуте. Лада. Сестра. Младшая, смешливая, с косой до пояса и глазами, как весеннее небо. Она всегда боялась воды. С самого детства. Как же она могла уйти к реке?

— А волхв? — спросил он. — Доброслав? Он что говорит?

Заряна вздрогнула. Лицо её потемнело.

— Доброслав... — Старуха покачала головой. — Доброслав теперь другой. С тех пор как Лада ушла. Он... он служит Ей.

— Кому — Ей?

— Моране. Хозяйке Нави. Той, что ждёт жениха.

Велеслав поднялся. Стул скрипнул по половицам, и звук показался оглушительным.

— Я пойду к нему.

— Не ходи, — Заряна схватила его за руку. Пальцы холодные, как лёд. — Не ходи ночью. После заката — не ходи. Не пей из реки. Не смотри в воду. И если услышишь, как тебя зовут по имени — не отзывайся. Слышишь? Никогда не отзывайся.

Велеслав посмотрел на неё. В свете лучины лицо старухи казалось маской — тёмные провалы глаз, резкие складки, сжатые губы.

— Кто зовёт?

— Разные, — прошептала Заряна. — Русалки. Мавки. Те, кто был людьми, а стал... другим. Они поют. Красиво поют.

А потом — тянут на дно.

Она отпустила его руку. Отвернулась.

— Спи, — сказала. — Ложись у печи. А утром... утром поговорим.

Велеслав не стал спорить. Слишком устал. Слишком много вопросов без ответов. Слишком много страха в этой деревне, в этом доме, в этой женщине.

Он лёг у печи, на овчину, и закрыл глаза.

Сон не шёл.

Лежал и слушал. Как трещит огонь в печи. Как скрипит половица под ногой Заряны, что-то делающей в темноте. Как ветер шевелит солому на крыше.

А потом услышал плеск воды.

Не реки — река далеко. Плеск близко. Прямо за стеной. Словно кто-то стоял в темноте и хлопал ладонью по луже.

Велеслав открыл глаза.

В окне, на стекле, были видны мокрые следы рук.

Маленьких. Женских.

Следы медленно сползали вниз, оставляя за собой дорожки воды.

Велеслав не помнил, как встал. Помнил только, что ноги сами понесли его к окну. Заряна куда-то исчезла — в доме было тихо, только огонь в печи догорал, бросая красные отблески на стены.

Он подошёл к окну. За ним была тьма. Не просто ночь

— тьма, густая, как дёготь, в которой не было ни звёзд, ни луны. Только чёрное ничто, прижавшееся к стеклу.

И в этой тьме — женщина.

Стояла спиной. Длинные волосы, мокрые, спутанные, падали до пояса, закрывая белую рубаху. Босая. Неподвижная, лицом к лесу, спиной к дому.

Велеслав не мог отвести взгляд. Знал, что не должен смотреть. Знал, что надо отвернуться, задернуть занавеску, позвать Заряну. Но тело не слушалось. Тело хотело смотреть.

Женщина медленно повернула голову.

Лица он не увидел. Только профиль — бледный, как мел, с длинными ресницами и губами, синими, как у утопленницы. Она смотрела не на него. В сторону реки.

А потом улыбнулась.

И исчезла.

Стекло осталось чистым. Никаких следов. Никакой воды. Только ночь за окном и вой ветра в трубе.

Велеслав отшатнулся. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Хотел закричать, позвать кого-нибудь — но голос застрял в горле.

На полу, у окна, блестела лужица воды.

Он наклонился. В лужице лежала прядь волос. Длинная, чёрная, мокрая.

И рядом — крошечная косточка. Белая, гладкая, размером с фалангу пальца.

Велеслав выпрямился. В голове билась одна мысль, на-

стойчивая, как комар:

Она звала. Она выбрала.

Он посмотрел на дверь. Заряна всё ещё не вернулась. В доме было тихо.

А за окном — снова плеск. Ближе. Громче.

И голос. Женский. Мягкий, как шёлк, сладкий, как мёд.
— Велесла-а-ав...

Велеслав замер.

— Велеслав, — повторил голос. — Иди к реке. Я жду.

Слова текли в уши, заполняли голову, вытесняли мысли. Велеслав почувствовал, как ноги снова двигаются сами собой — к двери. Руки тянутся к засову.

Не отзывайся. Никогда не отзывайся.

Он сжал зубы. Изо всех сил. До боли в челюсти.

— Чур меня, — прошептал. — Чур, чур, чур.

Голос стих. Плеск прекратился. Тишина — глухая, звенящая — обрушилась на дом.

Велеслав сполз по стене на пол. Сидел, обхватив колени руками, и слушал, как колотится сердце.

Утром он уйдёт. Утром найдёт Ладу. Утром разберётся.

Но сейчас — просто сидел в темноте и ждал рассвета.

А за окном, в ночи, кто-то ходил по деревне. Босые ноги шлёпали по мокрой земле. И тихий смех — женский, серебристый — плыл над домами.

Смех был повсюду.

Рассвет пришёл серым и промозглым.

Велеслав открыл глаза, когда первые лучи — слабые, как свет сквозь толщу воды — просочились через окно. Он лежал на полу у стены, где и уснул. Спина затекла, шея болела, во рту вкус пыли и чего-то горького.

Лужицы у окна не было. Прядь волос исчезла. Косточка — тоже.

Заряна сидела у печи. Растопила огонь и теперь мешала что-то в горшке. Пахло травами — горькими, терпкими.

— Вставай, — сказала она, не оборачиваясь. — Ешь. Потом поговорим.

Велеслав поднялся. Тело ломило, словно всю ночь таскал камни. Он сел за стол. Заряна поставила перед ним миску с кашей и кружку с отваром.

— Что это? — спросил он, глядя на тёмную жидкость.

— Полынь. Зверобой. Ещё кое-что. Чтобы тебя не видели.

— Кто?

— Те, кто смотрит.

Велеслав выпил. Отвар горький, как жизнь, но тело прояснилось, туман из головы ушёл.

— Я пойду к Ладе, — сказал он.

Заряна замерла. Потом медленно обернулась.

— К Ладе? — переспросила она. — Ты не слушал меня, что ли?

— Слушал. Всё слышал. Но она — моя сестра. Я не оставлю её.

— Её нет, — сказала Заряна. — Её нет в живых. Есть только то, что осталось. То, что живёт в воде. Оно не помнит тебя. Оно не помнит себя.

— Тогда я напомним, — Велеслав поднялся. — Где живёт Доброслав?

Заряна долго смотрела на него. В глазах было что-то — жалость? страх? — чего он не мог понять.

— За рекой, — сказала наконец. — В капище. Иди по тропе вдоль берега. Но помни: не смотри в воду. Что бы ты там ни увидел — не смотри.

— А если увижу?

— Тогда останешься там навсегда.

Велеслав кивнул. Взял плащ, перекинул через плечо. У двери обернулся.

— Заряна.

— Что?

— Ты знаешь, что случилось с Ладой?

Старуха молчала. Долго. Так долго, что он уже решил — не ответит.

— Знаю, — сказала наконец. — Но тебе не скажу. Потому что если скажу — ты не пойдёшь. А тебе надо пойти. Иначе — конец всем нам.

Велеслав вышел из дома.

Утро было серым. Туман стоял над деревней, густой, как молоко. Дома тонули в нём, словно призраки. Ни людей, ни скотины, ни дыма из труб. Только тишина и сырость.

Он пошёл к реке.

Тропа вилась вдоль берега — узкая, заросшая осокой и мхом. Река была спокойной. Слишком спокойной. Вода стояла неподвижно, чёрная, как смола. В ней не отражалось небо. В ней не отражалось ничего.

Велеслав шёл, глядя под ноги. На воду не смотрел. Помнил слова Заряны.

Но краем глаза видел.

Как в чёрной глубине что-то движется. Тени. Силуэты. Руки, тянущиеся к поверхности. Лица — бледные, размытые, с открытыми ртами.

Они не всплывали. Просто были там. Внизу. Ждали.
— Велеслав...

Он вздрогнул. Голос тихий, но отчётливый. Шёл из воды.
— Велеслав... брат...

Велеслав узнал этот голос.

Лада.

Он остановился. Сердце сжалось. Руки задрожали.

— Не смотри, — прошептал сам себе. — Не смотри. Не смотри.

— Брат, — голос ближе. — Мне холодно. Помоги мне. Я здесь. Внизу. Помоги.

Велеслав закрыл глаза. Сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Кровь потекла по пальцам.

— Ты не Лада, — прошептал он. — Ты не она. Ты — вода. Ты — Навь. Чур меня. Чур.

Он пошёл дальше. Быстрее. Почти бегом.

Голос за спиной стих.

А когда Велеслав обернулся — река была пуста. Только чёрная гладь и туман.

Впереди, за рекой, показалось капище.

Капище стояло на холме, в стороне от деревни. Велеслав помнил его — мальчишкой боялся ходить сюда. Здесь стояли идолы, здесь приносили жертвы, здесь молились старым богам.

Теперь капище выглядело иначе.

Идолы почернели. Кое-где повалены, кое-где — обгорели. Земля вокруг вытоптана, усыпана костями — птичьими, звериными, а может, и человеческими. В воздухе пахло гарью и чем-то сладким, тошнотворным.

В центре капища, у главного идола — того, что изображал Морану, — сидел человек.

Старый. Худой, как скелет, с длинными седыми волосами и бородой, спутанной, как птичье гнездо. Одет в рубище, а на шее висело ожерелье из костей — маленьких, аккуратно просверленных.

Доброслав.

Велеслав подошёл. Волхв не двинулся. Сидел, глядя в огонь, что горел перед идолом — маленький, чадающий, но не гаснущий.

— Здравствуй, Доброслав, — сказал Велеслав.

Волхв медленно поднял голову. Глаза мутные, как у слепого. Но смотрел он — прямо на Велеслава.

— Пришёл, — сказал Доброслав. Голос скрипучий, как несмазанное колесо. — Я ждал.

— Ждал?

— Она сказала. Сказала, что ты придёшь. Что будешь искать. Что не поймёшь.

— Кто — она?

Доброслав улыбнулся. Улыбка страшная — зубы гнилые, дёсны кровоточат.

— Морана. Хозяйка. Та, что ждёт.

— Где Лада?

Волхв молчал. Смотрел в огонь. Потом заговорил — тихо, нараспев, словно читая молитву:

— Лада ушла в воду. Лада стала водой. Лада теперь — невеста. Невеста для того, кто спит внизу. Того, кто ждёт своего часа. Того, кто придёт, когда Врата откроются.

— Какие Врата?

— Навь. Мир мёртвых. Он рядом. Всегда рядом. Только тонкая грань отделяет нас. И грань эта — вода. Река. Каждый раз, когда кто-то уходит в воду — грань истончается. Каждые семь лет — Врата открываются. И тогда... — Волхв замолчал. Потом прошептал: — Тогда приходит Он.

— Кто — Он?

Доброслав поднял руку. Указал на идола Мораны. На лице — деревянном, почерневшем, с пустыми глазницами — что-

то шевельнулось.

Велеслав отшатнулся.

— Ты должен уйти, — сказал волхв. — Уйти, пока не поздно. Ты не спасёшь её. Ты только станешь одним из них.

— Я не уйду без сестры.

— Тогда ты умрёшь.

— Пусть.

Доброслав снова улыбнулся. И в этой улыбке было что-то — не злорадство, не насмешка. Что-то вроде жалости.

— Храбрый, — сказал волхв. — Глупый, но храбрый. Что ж... — Он поднялся. Медленно, с трудом, опираясь на посох из чёрного дерева. — Иди за мной. Я покажу то, что ты ищешь.

Волхв пошёл к идолу. Обошёл его. За идолом, в земле, был люк — деревянный, обросший мхом, с кольцом вместо ручки.

Доброслав потянул за кольцо. Люк открылся. Из-под земли пахнуло холодом и сыростью. И чем-то ещё — сладким, тошнотворным, как запах разложения.

— Вниз, — сказал волхв. — Там — Она. Там — твоя сестра. Иди. Если смеешь.

Велеслав подошёл к краю. Заглянул.

Тьма. Густая, как дёготь. И в этой тьме — ступени. Ведущие вниз. В глубину.

Он посмотрел на Доброслава.

— Ты пойдёшь со мной?

— Нет, — волхв покачал головой. — Мне туда нельзя. Я живой. Пока живой.

Велеслав вздохнул. Перекрестился — по привычке. Потом сплюнул через левое плечо.

И шагнул вниз.

Ступени были скользкими, покрытыми слизью. Велеслав спускался медленно, держась за стены. Стены холодные, влажные, и казалось, что дышат — медленно, глубоко, как спящее существо.

С каждым шагом становилось темнее. Свет от люка остался далеко вверху, превратившись в крошечную точку. Воздух тяжелее, гуще, пропитанный запахом воды и гнили.

А потом Велеслав услышал пение.

Тихое, далёкое. Женский голос — или голоса — пели что-то протяжное, тоскливое. Слов он не разбирал. Только мелодию — тягучую, как патока, и печальную, как плач по мёртвому.

Велеслав шёл на звук.

Ступени кончились. Под ногами была вода. Холодная, по колено. Он пошёл дальше, раздвигая воду руками. Вода густая, как кисель, и липкая.

Пение стало громче.

Впереди забрезжил свет. Бледный, зеленоватый, как гнилушки в лесу. Велеслав пошёл быстрее.

И вышел в пещеру.

Огромная. Своды терялись в темноте. Стены светились — покрытые мхом или чем-то ещё, что давало этот мертвенный свет. В центре пещеры было озеро — чёрное, неподвижное. А на берегу...

На берегу сидели женщины.

Их было много. Десятки. Молодые и старые, красивые и уродливые. Сидели на камнях, на земле, у воды. Некоторые расчёсывали волосы — длинные, мокрые, спутанные. Некоторые пели. Некоторые просто смотрели в воду.

А в центре, у самой кромки, стояла девушка.

Длинные волосы, белая рубаха, босые ноги. Стояла спиной. Смотрела в озеро.

Велеслав узнал.

— Лада, — прошептал он.

Девушка вздрогнула. Медленно обернулась.

Это была она. Сестра. Лицо — её, глаза — её. Но что-то было не так. Кожа слишком бледная, почти прозрачная. Губы синие. И глаза... глаза пустые. Как у рыбы.

— Лада, — повторил Велеслав. — Это я. Велеслав. Брат твой.

Девушка смотрела. Долго. Потом наклонила голову — как птица.

— Велеслав? — сказала она. Голос был её — но с чужой интонацией. Словно учила слова, но не понимала значения. — Брат?

— Да. Я пришёл за тобой. Я спасу тебя. Пойдём.

Лада улыбнулась. Улыбка пустая. И страшная.

— Спасти? — переспросила она. — Меня нельзя спасти.

Я — невеста. Я жду.

— Чего ждёшь?

— Его. Того, кто придёт. Того, кто откроет Врата. Того, кто заберёт всех.

— Кого — всех?

Лада повела рукой. Указала на женщин вокруг. На воду. На стены.

— Всех, — сказала она. — Всех, кто ушёл в воду. Всех, кто ждёт. Мы — невеста. Мы — свита. Мы — врата.

Велеслав шагнул к ней. Вода плеснула под ногами.

— Лада, послушай. Ты — человек. Ты — моя сестра. Ты не...

— Я — русалка, — перебила Лада. — Я — та, что живёт в воде. Я — та, что забирает. Я — та, что ждёт.

Она шагнула к нему. Ближе. Ещё ближе. Теперь стояли лицом к лицу. Лада смотрела — пустыми глазами, в которых не было ни узнавания, ни любви.

— Иди, — сказала она. — Иди домой. Забудь меня. Забудь всё. Иначе...

— Что — иначе?

— Иначе останешься здесь. Навсегда.

Лада подняла руку. Коснулась его щеки. Пальцы холодные, как лёд.

— Иди, — повторила она. — Пока я ещё помню, кто ты.

Велеслав смотрел на неё. На сестру. На ту, с кем рос, с кем играл, кому рассказывал сказки. На ту, что теперь стояла перед ним — чужая, холодная, мёртвая.

Он не мог уйти. Не мог оставить её.

— Нет, — сказал он. — Я не уйду.

Лада вздохнула. И в этом вздохе было что-то — то ли печаль, то ли облегчение.

— Тогда ты умрёшь, — сказала она. — Как все.

Она отвернулась. Пошла к воде. Ступила в озеро. И вода сомкнулась над её головой.

Велеслав бросился за ней. Но воды было по грудь, по шею, и что-то тянуло вниз — за ноги, за руки, за одежду.

Он боролся. Бил руками. Кричал. Но тьма наступала. Холод сковывал тело.

Последнее, что он видел — лицо Лады. Бледное, спокойное. Она смотрела из глубины.

А потом всё исчезло.

Велеслав очнулся на берегу.

Солнце стояло высоко. Небо серое, но светлое. Река текла спокойно — обычная река, не чёрная, не страшная.

Он лежал на песке. Мокрый с головы до ног. Во рту вкуса тины и крови.

Велеслав сел. Огляделся. Капище на месте — на холме, за рекой. Доброслав стоял у идола, глядя на него.

Велеслав поднялся. Ноги дрожали. Но он стоял.

Он посмотрел на реку. На воду. Там, в глубине, что-то блеснуло. Может, рыба. Может, что-то другое.

Велеслав отвернулся.

И пошёл к деревне.

Он не знал, что делать. Не знал, как спасти Ладу. Не знал, как закрыть Врата.

Но знал одно: не уйдёт. Не сдастся. Пока жив — будет искать.

А где-то за спиной, в реке, снова плеснула вода.

И тихий голос — женский, знакомый — прошептал:
— Брат...

Велеслав не обернулся.

Но внутри что-то оборвалось.

Глава 2. Хлеб и соль

Утро выдалось ясным.

Велеслав проснулся на овчине у печи, когда солнце уже поднялось над лесом. Заряна хлопотала у стола — резала хлеб, наливала квас в глиняную кринку. Пахло ржаной коркой и топлёным молоком.

— Садись, — сказала она, не оборачиваясь. — Дорога долгая.

Велеслав поднялся. Тело ныло после ночи, проведённой на полу, но голова была ясной. Он умылся из кадки у двери, вытер лицо рушником, расшитым красными петухами. Петухи были старые, выцветшие, с потрёпанными хвостами.

Он сел за стол. Заряна поставила перед ним миску с кашей, ломоть хлеба, кружку кваса. Села напротив, сложила руки на коленях.

— Ешь, — повторила она. — Потом скажу, что знаю.

Велеслав ел молча. Каша была пресной, но сытной. Он жевал медленно, глядя на Заряну. Та сидела неподвижно, как изваяние, и в глазах её было что-то тяжёлое, невысказанное.

— Ну, — сказал он, отодвигая миску. — Говори.

Заряна вздохнула. Посмотрела на огонь в печи.

— Ты спрашивал про Ладу, — начала она. — Про то, что случилось. Я тогда не сказала. Теперь скажу.

Велеслав подобрался.

— Она не просто ушла в воду, — проговорила старуха.
— Её увели. Взяли. Как берут — я не знаю. Но не сама она пошла. Она шла за кем-то.

— За кем?

— За голосом. За песней. За тем, что звало из воды. Я видела её в ту ночь. Стояла у окна, смотрела на реку. Глаза пустые, будто во сне. Я окликнула — не услышала. Вышла за дверь — пошла к берегу. Я за ней. Да куда там, старая, за молодой-то...

Заряна замолчала. Взяла со стола ложку, повертела в руках, положила обратно.

— Когда я до берега дошла, её уже не было. Только венки на песке. И следы. Два следа — её и ещё чей-то. Босой. Женский. Только... — Старуха замялась.

— Что?

— Следы-то были не человечески. Пальцы длинные, как у птицы. И когти. Вот такие. — Она показала рукой — вершка два, не меньше.

Велеслав молчал. Вспомнил ночь — женщину за окном, мокрые следы рук на стекле. Маленькие. Женские.

— Кто она? — спросил он. — Та, что увела Ладу?

— Русалка, — сказала Заряна просто. — Или мавка. Или ещё кто. Не знаю. Разная нечисть у воды живёт. Одни поют — заманивают. Другие молчат — ждут. Третьи — хватают и тянут. Твою сестру, видать, не просто утопили. Её взяли в невесты.

— В невесты?

— Моране служат те, кто ушёл в воду. Она — хозяйка. У неё — свита. Девы-утопленницы. Они поют, пляшут, водят хороводы. И ждут. Ждут того, кто придёт и откроет Врата.

Велеслав вспомнил пещеру. Женщин у озера. Сестру с пустыми глазами.

— И сколько их? — спросил он.

— Много, — сказала Заряна. — За сотни лет много набралось. Каждые семь лет — новая. Каждые семь лет — Врата открываются. И если не закрыть их... — Она замолчала.

— Что тогда?

— Тогда Навь выйдет наружу. Тогда мертвецы пойдут по земле. Тогда... — Старуха перекрестилась. — Тогда конец всему.

Велеслав встал. Прошёлся по избе — от печи до двери, от двери до печи. Половицы скрипели под сапогами.

— Как закрыть Врата? — спросил он.

— Не знаю. Знает волхв. Только он теперь не скажет. Он Ей служит.

— Значит, надо найти того, кто ещё не служит.

Заряна покачала головой.

— Нет таких. Все служат. Кто по страху, кто по глупости, кто по своей воле. Один ты остался, дурень. Один не поклонился.

Велеслав остановился у окна. За стеклом — деревня. Дома, крыши, дым из труб. Жизнь шла своим чередом. Люди

ходили, работали, ели, спали. И боялись. Он видел это в их глазах — вчера, когда шёл по улице. Боялись и молчали.

— Что за рекой? — спросил он. — За капищем?

— Лес. Дальше — болота. Потом — пустошь. Там никто не живёт. Там — Навь.

— А кроме Нави? Кто ещё может знать?

Заряна думала долго. Потом сказала:

— Есть одна. За болотами. Млава. Знахарка. Жила здесь когда-то, потом ушла. Говорят, с богами говорила. Говорят, проклята. Говорят, — старуха понизила голос, — она знает, как Врата закрыть.

— Где её найти?

— За болотом. За пустошью. В лесу, у Чёрного ручья. Только туда не ходят. Никто. Слышишь? Никто.

— Я схожу.

Заряна поднялась. Подошла к нему, взяла за руку. Пальцы были холодные, но хватка — крепкая.

— Не ходи один. Сходи к Радимиру. Кузнецу. Он тебе слово скажет. И ещё — возьми вот это.

Она отошла к печи, пошарила за ней, достала холщовый мешочек. Протянула Велеславу.

— Что здесь?

— Полынь. Крапива. Ещё кое-что. Будешь жечь — нечисть отступит. Ненадолго, но отступит.

Велеслав взял мешочек. Сжал в кулаке.

— Спасибо, бабушка.

— Не благодари, — отрезала Заряна. — Благодарить будешь, когда вернёшься. Если вернёшься.

Она отвернулась. Снова завозилась у печи. Велеслав понял: разговор окончен.

Он вышел из дома.

Деревня при свете дня выглядела иначе.

Не такой мёртвой. Дым вился над крышами, куры копались в пыли, где-то мычала корова. Бабы несли воду от колодца, мужики чинили сети. Всё как везде. Только глаза у людей были другие. Не смотрели прямо. Отводили взгляд.

Велеслав шёл по улице, и люди расступались перед ним, как перед прокажённым. Бабы замолкали, едва он приближался. Мужики смотрели в землю.

Он остановился у колодца. Молодка с коромыслом испуганно шарахнулась в сторону.

— Постой, — сказал Велеслав. — Где Радимир?

Молодка смотрела на него, как на волка. Потом махнула рукой в сторону дальних домов.

— Там. У реки. Кузня его.

Велеслав кивнул. Пошёл дальше.

Кузня стояла на отшибе, у самого берега. Стены чёрные от копоти, крыша провалилась в одном месте. Из трубы валил дым — густой, чёрный. Слышался звон металла.

Велеслав толкнул дверь. Внутри было жарко и темно. Радимир стоял у наковальни, бил молотом по раскалённому

железу. Широкий, бородатый, с руками, как корни. Лет ему было под пятьдесят, но бил он с силой молодого.

Он не обернулся. Только сказал:

— Чего надо?

— Здравствуй, Радимир.

Кузнец замер. Медленно опустил молот. Обернулся.

— Велеслав, — сказал он. Голос был хриплый, как меха.

— Вернулся, значит.

— Вернулся.

— А зачем?

— За Ладой.

Радимир долго смотрел на него. Потом отложил молот, вытер руки о фартук. Подошёл ближе.

— Слышал я, — сказал кузнец. — Слышал, что ты вчера в капище ходил. И оттуда вышел. Никто не выходит. А ты вышел.

— Вышел.

— Значит, либо дурак, либо проклятый. — Радимир усмехнулся. — Или и то, и другое.

— Мне нужна помощь, — сказал Велеслав. — Заряна сказала, ты слово знаешь.

Кузнец помрачнел. Отвернулся, подошёл к горну, заглянул в огонь. Долго молчал.

— Слово, — проговорил наконец. — Да. Знаю. Только это не слово. Это — долг.

— Какой?

— Всякий, кто знает, — обязан сказать. Всякий, кто слышит, — обязан сделать. Иначе — смерть. Не сразу. Постепенно. Как гниль.

Он обернулся. Взял со стола что-то — маленькое, тёмное. Протянул Велеславу.

Это был гвоздь. Железный, кривой, с широкой шляпкой.

— Что это?

— Гвоздь из гроба, — сказал Радимир. — Отца твоего. Когда его хоронили, я сам его выковал. И сам вогнал в крышку. А потом вытащил. Один.

— Зачем?

— Затем, что отец твой не умер. Он ушёл. В Навь. По своей воле.

Велеслав замер. Гвоздь в руке был холодным, как лёд.

— Что ты говоришь?

— То, что слышишь. Отец твой был волхвом. До Доброслава. До всех. Он знал Врата. Он умел их закрывать. Он закрыл их — семь лет назад. Но для этого ему пришлось уйти. На ту сторону. Заплатить.

Велеслав смотрел на гвоздь. Тёмный металл блестел в свете горна.

— Отец жив?

— Не жив. И не мёртв. Он — там. В Нави. Держит Врата. Пока держит. Но силы кончаются. Ещё немного — и он не удержит.

— Что надо сделать?

Радимир тяжело вздохнул.

— Найти его. Спросить. Он знает, как закрыть Врата навсегда. Без жертвы. Без новых смертей.

— Как найти?

— Есть три пути в Навь. Через воду. Через огонь. Через дерево.

— Через воду я уже ходил.

— Знаю. Вода — самый лёгкий путь. И самый опасный. Ты был у Мораны. Но не был у него.

— А два других?

— Огонь — это капище. Но туда лучше не ходить. Там Доброслав. Дерево — это лес. Старый лес, за болотом. Там растёт дуб. Тот самый дуб. Если найдёшь его — найдёшь вход.

Велеслав кивнул. Спрятал гвоздь за пазуху.

— Спасибо, Радимир.

— Не благодари, — сказал кузнец. — Ты ещё не знаешь, на что идёшь.

Он вернулся к наковальне. Поднял молот. Ударил по железу. Звон разнёсся по кузне, отдался в ушах.

Велеслав вышел на воздух.

Солнце поднялось выше. День разгорался. Он стоял у кузницы, глядя на реку. Чёрная вода блестела вдалеке. Там, за рекой, — капище. Там, за капищем — лес. Там, за лесом — болото. Там, за болотом — пустошь.

А где-то там, далеко, за всеми этими землями, — отец.

Живой. Мёртвый. Ждущий.

Велеслав сжал гвоздь в кулаке. Металл впился в ладонь. Больно. Но он не разжал руку.

Он пошёл домой.

Вечером, когда солнце село и деревня снова затихла, Велеслав сидел у окна в доме Заряны. Перед ним на столе лежала карта — нарисованная на бересте, грубая, но понятная. Старуха начертила её сама, пока он ходил к кузнецу.

Река. Капище. Лес. Болото. Пустошь. Чёрный ручей.

— Здесь, — сказала Заряна, ткнув пальцем в правый край.
— Здесь Млава.

Велеслав смотрел на карту. Долго.

— Пойду утром, — сказал он.

— Пойдёшь, — согласилась Заряна. — Только не один.

Велеслав поднял голову.

— С тобой пойдёт Радимир. И ещё один. Я найду.

— Кто?

— Есть тут один. Странник. Пришёл зимой, живёт у реки, ни с кем не говорит. Но знает много. Больше, чем показывает.

— Кто он?

Заряна покачала головой.

— Не знаю. И знать не хочу. Но он ходил за болото. И вернулся. Один.

Велеслав молчал. Смотрел в окно. Там, за стеклом, сгуща-

лись сумерки. И где-то далеко, в темноте, плескалась вода.

— Ладно, — сказал он. — Найди его.

Заряна кивнула. Поднялась, накинула платок, вышла.

Велеслав остался один.

Он сидел у окна, глядя, как темнеет небо. Думал об отце.

О Ладе. О том, что ждёт его там, за болотом.

В кармане лежал гвоздь. Холодный. Тяжёлый. Как память.

Он не знал, что будет завтра.

Но знал, что не отступит.

А за окном, в темноте, снова плеснула вода.

И тихий голос — женский, знакомый — прошептал:

— Брат...

Велеслав не обернулся.

Он просто сжал гвоздь крепче.

Глава 3. Странник

Заряна вернулась затемно.

Велеслав услышал скрип двери, шаги, шелест платка. Поднял голову от стола — он так и сидел над картой, не зажигая лучины. В темноте старуха казалась ещё меньше и суше, чем днём.

— Нашла, — сказала она. — Придёт утром.

— Кто он?

— Увидишь.

Заряна прошла к печи, поворошила угли, подбросила дров. Огонь вспыхнул, осветив её лицо. Велеслав взгляделся — и понял: старуха напугана. Не так, как утром. Глубже. Сильнее.

— Ты его боишься, — сказал он.

— Боюсь, — согласилась Заряна, не оборачиваясь. — И ты бойся. Он не такой, как мы. Не человек.

— Тогда кто?

— Не знаю. Может, человек. Может, нет. Он пришёл зимой. По льду. Один. Никто не видел, откуда. Поселился в брошенной избе у реки. Ни с кем не говорит. Но когда кто-то пропадает — он идёт в лес. И возвращается. Иногда с телом. Иногда без.

— И его не трогают?

— Пробовали. Двое пошли с топорами. Один вернулся.

Без руки. Другой не вернулся. Больше не пробуют.

Велеслав молчал. Смотрел на огонь.

— Утром, — повторила Заряна. — Он придёт на рассвете. А пока — спи. Силы понадобятся.

Она ушла в свой угол. Вскоре оттуда послышалось ровное дыхание. Старуха спала — или делала вид, что спит.

Велеслав лёг на овчину. Закрыв глаза. Сон не шёл. Он лежал, слушая, как трещат дрова, как шуршит солома на крыше, как где-то далеко-далеко — или близко — плещется вода.

Плеск был тихим. Ровным. Как дыхание. Как чужое дыхание за стеной.

Он не открывал глаз. Просто лежал. Ждал.

Утро пришло серым.

Странник пришёл на рассвете — тихо, без стука.

Велеслав как раз выходил из дома, ополоснуть лицо. Открыл дверь — и увидел его. Тот стоял у крыльца. Неподвижно. Молча.

Высокий. Худой. В длинном плаще из грубой шерсти, тёмно-серой, почти чёрной. Лицо — длинное, узкое, с резкими скулами. Волосы — седые, длинные, забранные за уши. Глаза — светлые, как вода в роднике. Слишком светлые. Слишком спокойные.

Он не улыбнулся. Не поклонился. Просто стоял и смотрел. — Ты — Велеслав, — сказал он. Голос был ровный, глу-

хой. Как камень, упавший в воду.

— Я, — сказал Велеслав. — А ты кто?

— Зови Странником. Другого имени нет.

— Откуда пришёл?

— Оттуда, — Странник кивнул в сторону леса. — Куда ты собираешься.

Велеслав помолчал. Оглядел его. Руки — длинные, с узкими ладонями. Не кузнец. Не воин. Но что-то в нём было — в осанке, в том, как стоял. Спокойно. Слишком спокойно.

— Заряна сказала, ты ходил за болото. И вернулся.

— Ходил. Вернулся.

— Один?

Странник не ответил. Смотрел на реку. Там, в утреннем тумане, вода казалась серой, неподвижной.

— Ты идёшь к Млаве, — сказал он. — Я пойду с тобой. Не потому, что хочу. Потому что должен.

— Должен?

— Все должны, — сказал Странник. — Ты — за сестрой. Радимир — за долгом. Я — за своим. У каждого свой груз.

Он повернулся. Пошёл к реке. Не оглядываясь.

Велеслав смотрел ему вслед. Странник шёл легко, не оставляя глубоких следов. Туман расступался перед ним, смыкался за спиной.

Из дома вышла Заряна. Встала рядом.

— Вот он, — сказала тихо. — Смотри. Запоминай. Если что пойдёт не так — беги. Не оглядываясь.

— Что он такое?

— Не знаю. И не хочу знать. — Старуха перекрестилась.

— Иди. Радимир ждёт у кузни.

Радимир стоял у кузни, перепоясанный, с топором за спиной. Рядом — мешок с едой, фляга с водой, моток верёвки. Кузнец был собран и мрачен. Увидев Велеслава, кивнул.

— Готов?

— Готов.

— Тогда пошли. До болота — день пути. До пустоши — ещё день. До Млавы — два.

Они двинулись вдоль берега, на север. Странник шёл впереди, не оборачиваясь. Радимир — следом, тяжело ступая. Велеслав замыкал.

Деревня осталась позади. Дома, крыши, дым. Люди смотрели им вслед молча. Никто не махал рукой. Никто не сказал доброго слова.

У околицы стояла Заряна. Она не плакала. Не крестила. Просто смотрела. Долго. Пока они не скрылись за поворотом.

Лес принял их тихо.

Шли молча.

Тропа вилась вдоль реки, потом свернула в лес — густой, тёмный, сырой. Сосны стояли стеной, ели цеплялись за одежду, мох гасил шаги. Пахло хвоей, гнилью, грибами. Где-

то далеко стучал дятел. Потом и он замолчал.

Странник шёл ровно, не сбиваясь с шага. Радимир пыхтел, но не отставал. Велеслав смотрел по сторонам — на стволы, на корни, на просветы между деревьями. Лес был знакомый. И чужой.

К полудню вышли к ручью. Вода в нём была тёмной, как чай. Радимир остановился, сбросил мешок.

— Привал.

Сели на поваленное дерево. Радимир развязал мешок, достал хлеб, сало, луковицу. Разрезал. Протянул Велеславу. Тот взял.

Странник не ел. Стоял у ручья, глядя в воду.

— Ты не голоден? — спросил Велеслав.

— Нет.

Радимир покосился на Странника. Наклонился к Велеславу.

— Не ест, — прошептал. — Никогда. С зимы ни крошки. И не спит. Я видел. Ночью стоит у окна. Смотрит.

— На что?

— На реку. Всё время на реку.

Велеслав жевал хлеб. Смотрел на Странника. Тот стоял неподвижно. Плащ не шевелился. Ветра не было.

— Кто ты? — спросил Велеслав громко.

Странник обернулся. Светлые глаза смотрели спокойно.

— Я — тот, кто был там, — сказал он. — И вернулся. Не весь.

— Что это значит?

— Это значит, что часть меня осталась в Нави. Я хожу по земле, но тень моя — там. Я живу, но не дышу. Я говорю, но не слышу себя.

Радимир перекрестился. Велеслав молчал.

— Ты был в Нави? — спросил он.

— Был.

— Что там?

Странник долго не отвечал. Смотрел на воду. Потом сказал:

— Там нет времени. Нет света. Нет тепла. Там есть только ожидание. Ты ждёшь. И не знаешь чего. Ты идёшь. И не знаешь куда. Ты помнишь. И не знаешь, что помнишь. Там всё — как в тумане. Только голоса. Они зовут. Всегда. Днём и ночью. Зовут по имени.

— И ты пошёл?

— Пошёл. Один раз. Потом перестал.

— Почему?

— Потому что понял: если пойду ещё — не вернусь.

Он замолчал. Отвернулся. Снова уставился в воду.

Велеслав доел хлеб. Вытер руки о штаны. Посмотрел на Радимира. Кузнец был бледен. Смотрел в землю.

— Пойдём, — сказал Велеслав. — До темноты надо дойти до болота.

Они поднялись. Пошли дальше.

К вечеру лес поредел.

Деревья стали ниже, кривее. Мох под ногами сменился мокрой травой. Запахло стоячей водой, тиной, гнилью. Впереди, за редкими соснами, показалась тёмная полоса.

Болото.

Оно лежало в низине — огромное, серо-зелёное, покрытое ряской и мхом. Кочки торчали из воды, как черепа. Между ними вились тропки — узкие, едва заметные. Где-то далеко, в глубине, курился туман. Он не поднимался вверх, а стелился по воде, густой, как молоко.

Радимир остановился. Огляделся.

— Здесь заночуем, — сказал он. — Ночью через болото не ходят.

— Почему? — спросил Велеслав.

— Потому что ночью оно просыпается.

Развели костёр на сухом месте — под корнями старой ивы, что склонилась над водой. Радимир достал еду. Ели молча. Странник снова стоял в стороне, глядя на болото.

Велеслав смотрел на огонь. Думал. О Ладе. Об отце. О том, что ждёт впереди.

— Радимир, — сказал он. — Расскажи про отца.

Кузнец помолчал. Поворошил угли палкой.

— Хороший был человек, — сказал он наконец. — Сильный. Мудрый. Волхв. Его все слушали. Даже Доброслав — а тот молодой был, горячий. Отец твой его учил. Всему.

— И что случилось?

— Врата открылись. Семь лет назад. Как всегда. Надо было жертву принести. Одного. По жребию. Но отец твой не позволил. Сказал: «Хватит. Закрою сам».

— И закрыл?

— Закрыл. Но для этого ему пришлось уйти. На ту сторону. Сказал: «Буду держать. Пока смогу». И ушёл. В воду. Ночью. Один.

Велеслав смотрел на огонь. Вспоминал отца — высокого, с бородой, с руками, как лопаты. Он учил Велеслава резать по дереву, разжигать огонь, читать следы. Учил словам — старым, забытым. Он говорил: «Слова — это ключи. Запомни. Когда-нибудь пригодятся».

— Почему он не сказал мне? — спросил Велеслав.

— Сказал бы, — Радимир вздохнул. — Если бы ты был здесь. Но ты уехал. В Киев. Учиться. Служить. Он не стал звать. Сказал: «Пусть живёт. Пока может».

Велеслав молчал. В горле стоял ком.

— Он жив? — спросил он.

— Не знаю. Может, жив. Может, нет. Но Врата держатся. Значит, кто-то держит.

Ночь опустилась быстро. Туман поднялся от болота, окутал костёр, деревья, людей. Стало холодно. Велеслав подбросил дров.

Странник подошёл. Сел у костра. Впервые за день. Смотрел в огонь.

— Что ты видел? — спросил Велеслав. — Там. В Нави.

Странник долго молчал. Потом сказал:

— Дерево.

— Дерево?

— Дуб. Огромный. Больше леса. Корни — в воде. Ветви — в небе. Ствол — чёрный, как уголь. На нём — лица. Много лиц. Они смотрят. Они плачут. Они зовут.

— Кого зовут?

— Тех, кто может помочь. Тех, кто ещё жив. Тех, кто помнит.

— Ты помнишь?

Странник посмотрел на него. Светлые глаза блеснули в свете огня.

— Помню, — сказал он. — Всё помню. И ничего не могу забыть.

Он замолчал. Отвернулся. Снова уставился в огонь.

Велеслав смотрел на него. Долго. Потом лёг. Закрыв глаза. Сон пришёл быстро.

А ночью он проснулся от того, что кто-то пел.

Тихо. Далеко. Женский голос. Или голоса. Пели что-то протяжное, тоскливое. Слов не разобрать. Только мелодия — тягучая, как патока, и печальная, как плач.

Он открыл глаза. Костёр догорал. Радимир спал, укрывшись плащом. Странник стоял у края болота. Смотрел в туман.

Пение шло оттуда.

Велеслав поднялся. Подошёл к Страннику. Встал рядом.

— Кто это? — спросил он.

— Русалки, — сказал Странник. — Поют. Ждут.

— Кого?

— Тебя.

Велеслав смотрел в туман. Там, в глубине, что-то двигалось. Тени. Силуэты. Бледные, размытые. Они покачивались. Медленно. В такт песне.

— Они могут выйти? — спросил Велеслав.

— Нет, — сказал Странник. — Пока огонь горит. Пока ты помнишь, кто ты. Пока не отзываешься.

— А если отзовусь?

— Тогда они заберут тебя. Утянут. Туда.

— Туда — это куда?

Странник обернулся. Посмотрел на него. Долго.

— Туда, откуда я вернулся. Не весь.

Он снова отвернулся. Смотрел на болото.

Велеслав стоял рядом. Слушал пение. Смотрел в туман.

А где-то там, в глубине, среди теней, мелькнуло что-то знакомое. Белая рубаха. Длинные волосы. Бледное лицо.

Лада.

Она смотрела на него. Молча. И пела.

Велеслав сжал кулаки. Ногти впились в ладони. Больно.

— Не смотри, — сказал Странник. — Не слушай. Не помни.

Велеслав закрыл глаза. Повернулся. Пошёл к костру.

Лёг. Укрылся плащом.

Пение продолжалось. Всю ночь. Тихое. Тоскливое. Знакомое.

Он не спал. Просто лежал. Ждал рассвета.

А утром, когда туман рассеялся и солнце поднялось над болотом, они пошли дальше.

Через воду. Через трясину. Через страх.

Глава 4. За болотом

Болото встретило их тишиной.

Не той тишиной, что бывает в лесу на рассвете, — живой, наполненной шорохами и птичьим гомоном. Эта была другой. Глухой. Мёртвой. Словно кто-то накрыл мир ватным одеялом и придавил сверху.

Радимир шёл первым. Тяжело ступал по кочкам, пробуя каждую палкой, прежде чем перенести вес. Странник скользил следом — легко, почти не касаясь земли. Велеслав замыкал, ступая точно в следы кузнеца.

Туман стоял стеной. Молочный, плотный, он скрывал всё дальше вытянутой руки. Впереди угадывались силуэты — то ли деревья, то ли кочки, то ли что-то живое, затаившееся и ждущее.

— Держись тропы, — сказал Радимир, не оборачиваясь.
— Сойдёшь — затянет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.